

УДК 615.866:616.035:4:340.132.626:340.132.8

Для цитирования: Васеловская А.В., Ольховик Н.В., Шеслер А.В. Правовое регулирование применения принудительных мер медицинского характера на современном этапе (систематический обзор). Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2025. № 3 (128). С. 95-104. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2025-3\(128\)-95-104](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2025-3(128)-95-104)

Правовое регулирование применения принудительных мер медицинского характера на современном этапе (систематический обзор)

Васеловская А.В., Ольховик Н.В., Шеслер А.В.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

РЕЗЮМЕ

Актуальность. Психические расстройства и расстройства поведения вызывают серьезные социальные негативные последствия, связанные с реальной и (или) потенциальной опасностью лиц, страдающих психическими расстройствами, для себя или окружающих. В связи с возрастанием в современном мире количества психотравмирующих факторов и, как следствие, увеличением числа лиц, совершающих преступления или иные общественно опасные деяния в том или ином болезненном состоянии психики, вопрос правовой регламентации применения принудительных мер медицинского характера является актуальным. **Цель:** выявление коллизий и правовых пробелов в правовом регулировании применения принудительных мер медицинского характера. **Материал и методы.** Проведены анализ и систематизация нормативных правовых актов российского законодательства, регламентирующих применение принудительных мер медицинского характера. Для поиска и анализа нормативных правовых актов использовались официальные источники опубликования, такие как Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>), Собрание законодательства Российской Федерации, а также справочные правовые системы (СПС КонсультантПлюс, Гарант и др.). В рамках анализа научной литературы по исследуемой теме использовались наукометрические базы данных (Scopus, Web of Science, Google Scholar, eLibrary). **Результаты.** Исходя из анализа правовой регламентации применения (назначения и исполнения) принудительных мер медицинского характера, выделено три уровня правового регулирования данной сферы: федеральный законодательный, федеральный подзаконный, локальный (уровень отдельных медицинских организаций). Правовое регулирование на федеральном уровне рассмотрено через систему нормативных актов уголовно-правовой отрасли и блок законодательных актов в сфере здравоохранения. **Заключение.** Правовое регулирование принудительных мер медицинского характера осуществляется нормами разных отраслей права, что обусловлено многогранностью и неоднозначностью правовой природы указанных мер. Отсутствует достаточная правовая регламентация порядка исполнения принудительных мер медицинского характера. Авторами вносятся предложения по совершенствованию законодательства в указанной сфере и обосновывается необходимость принятия ведомственной инструкции о порядке применения принудительных мер медицинского характера с приложением к ней типовых правил внутреннего распорядка медицинских организаций, исполняющих принудительные меры медицинского характера, по каждому виду принудительного лечения.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, психические расстройства и расстройства поведения, общественная опасность лица, страдающего психическим расстройством, меры безопасности.

ВВЕДЕНИЕ

Психические расстройства, наряду с другими важнейшими неэпидемическими заболеваниями, продолжают занимать лидирующее положение в современной медицине и обществе. Предложено использование технологий виртуальной реальности для разработки технологий немедикаментозной коррекции аффективных и невротических расстройств в программах персонализированной терапии [1]. Отдельные исследователи отмечают, что психические расстройства составляют около 10,4% расходов от мирового бюджета здравоохранения. В 2010 г. эта сумма составила 2,5 триллиона US\$,

к 2030 г. она увеличится до 6 триллионов US\$ [2]. Однако психические расстройства и расстройства поведения несут в себе не только отрицательный экономический эффект, связанный с потерей частью населения трудоспособности, инвалидизацией, затратами на диагностику, лечение и реабилитацию, но и негативные последствия, сопряженные с реальной и (или) потенциальной опасностью лиц, страдающих психическими расстройствами, для себя или окружающих, а также с риском совершения ими ввиду болезненного состояния психики общественно опасных деяний (ООД). Как справедливо отмечают российские специалисты по психи-

ческому здоровью, «психически больные способны причинять определенный и весьма существенный вред своими неправильными, неадекватными реальной обстановке действиями, которые совершаются нередко с большим упорством и активностью, своеобразной целеустремленностью. Такие действия, если они опасны для общества, обычно становятся объектом уголовного преследования и судебного разбирательства» [3].

В связи с возрастанием в современном мире количества психотравмирующих факторов и, как следствие, увеличением числа лиц, совершающих преступления или иные ООД в том или ином болезненном состоянии психики, вопрос правовой регламентации и практического повышения эффективности применения принудительных мер медицинского характера является актуальным.

Несмотря на то что институт принудительных мер медицинского характера известен законодателю достаточно давно, а его анализом и изучением занимались не только отечественные ученые в области права (цель и содержание принудительных мер медицинского характера, определение круга лиц, к которым они применяются [4], теоретические проблемы и практика назначения принудительных мер медицинского характера в уголовном праве [5], медико-судебные меры, назначаемые судом психически больным лицам, совершившим ООД [6]), но и ученые-психиатры (взаимосвязь психических расстройств и преступности, правовой статус и методы лечения таких пациентов [7], личностные особенности преступников с психическими отклонениями, проблемы их изоляции и содержания в специальных учреждениях [8, 21, 22], причины и механизмы ООД лиц с психическими заболеваниями в рамках судебной психиатрии [9], взаимосвязь между типом принудительного лечения и характером ООД [10]), тем не менее существующие на сегодняшний день исследования по вопросу правового регулирования принудительного лечения носят лишь фрагментарный характер с акцентом на исторический анализ правового регулирования в данной области, либо же изучение данного вопроса производится исключительно в рамках какой-либо одной отрасли права (например, указанные меры рассматриваются как институт уголовного права или как институт административного права).

Данный обзор направлен на комплексное исследование правового регулирования применения принудительных мер медицинского характера, как сложного медико-правового института. В рамках настоящего исследования авторы акцентируют внимание на пробелах в действующем правовом регулировании, предлагая направления для дальнейшего исследования и совершенствования законодательства в указанной области.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выявление коллизий и правовых пробелов в правовом регулировании применения принудительных мер медицинского характера.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Осуществлен сбор данных, анализ и систематизация нормативных правовых актов российского законодательства, регламентирующих применение принудительных мер медицинского характера и оказание специализированной психиатрической помощи в процессе осуществления указанных мер. В основу анализа легли только актуальные (не утратившие силу) нормативные правовые акты. При этом поскольку в указанной сфере остаются фактически действующими некоторые нормативные документы советского периода, временной период, за который были проанализированы правовые источники, не ограничивается жесткими временными рамками в 10 или 20 последних лет. Авторами выбран иной критерий включения правовых актов в обзор – их актуальность на момент проведения исследования. Для поиска и анализа нормативных правовых актов использовались официальные источники опубликования, такие как Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>), Собрание законодательства Российской Федерации, а также справочные правовые системы (СПС КонсультантПлюс, Гарант и др.).

В обзор также включены позиции некоторых исследователей по вопросу правового регулирования отдельных аспектов применения принудительных мер медицинского характера. Поиск научных публикаций проводился по ключевым словам: принудительные меры медицинского характера, опасность лица, страдающего психическим расстройством, правовое регулирование принудительного лечения. Для поиска научных источников использовались наукометрические базы данных (Scopus, Web of Science, Google Scholar, eLibrary).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ правовой регламентации применения (назначения и исполнения) принудительных мер медицинского характера позволяет выделить три уровня правового регулирования в данной сфере: федеральный законодательный, федеральный подзаконный, локальный (уровень нормотворчества отдельных медицинских организаций, исполняющих принудительные меры медицинского характера). Федеральный законодательный уровень представлен двумя относительно самостоятельными блоками: законодательных актов уголовно-правовой направленности и законодательных актов в сфере здравоохранения. Указание на то, что данные блоки нормативного правового регулирования являются относительно обособленными не случайно, поскольку в них реализован разный

подход к пониманию принудительных мер медицинского характера.

Первый блок (уголовно-правовой) представлен такими нормативными правовыми актами, как Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) принудительным мерам медицинского характера посвящена глава 15 «Принудительные меры медицинского характера», включенная в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера» [11]. Следует отметить, что впервые нормы о принудительных мерах медицинского характера выделены законодателем в отдельную главу, что обусловлено необходимостью ограничения данных мер от ряда других институтов, как уголовно-правового, так и административно-правового характера: от института уголовного наказания, с одной стороны, и от недобровольных мер, применяемых к лицам, страдающим психическими расстройствами, в соответствии с Законом «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», с другой стороны [5].

Вместе с тем в УК РФ законодатель предусмотрел применение принудительных мер медицинского характера не только к лицам, совершившим преступления, но и к лицам, у которых психическое расстройство наступило после совершения преступления, а также к лицам, совершившим ООД в состоянии невменяемости. Тем самым был расширен предмет уголовно-правового регулирования, так как УК РФ предусматривает применение мер медицинского характера к лицам, которые преступление не совершали и субъектами преступления не являются.

Кроме того, закрепляя в главе 15 УК РФ отдельную статью «Основания применения принудительных мер медицинского характера» (ст. 97), законодатель, по сути, не конкретизирует, что именно является основанием применения принудительных мер медицинского характера. Анализ указанной статьи позволяет сделать вывод о том, что в ней содержатся несколько различных по своей направленности правовых предписаний. В части 1 устанавливаются категории лиц, к которым могут быть применены принудительные меры медицинского характера. Часть 2 содержит условие назначения рассматриваемых мер. Часть 3 включает положение о правовых актах, которыми должен регулироваться порядок исполнения принудительного лечения. Часть 4 предусматривает право суда передать материалы дела в отношении лица, не представляющего опасность по своему психическому состоянию, в орган исполнительной власти в сфере здравоохранения для решения вопроса

о лечении данного лица в порядке, предусмотренном законодательством в сфере охраны здоровья граждан.

Положения, закрепленные в ст. 97 УК РФ, направлены на регулирование абсолютно разных вопросов, касающихся принудительного лечения. При этом ни одно из указанных положений, кроме самого названия статьи, не содержит в себе прямого упоминания об основании применения принудительных мер медицинского характера. Учитывая, что статья в целом названа законодателем как «Основания применения принудительных мер медицинского характера», можно предположить, что все положения, закрепленные данной статьей, относятся к основаниям. Однако даже при поверхностном анализе ст. 97 УК РФ становится очевидным, что такое предположение является ошибочным.

Неясность законодательного определения основания применения принудительного лечения порождает разные подходы к определению последнего в правоприменительной практике и указывает на необходимость совершенствования законодательства в указанном вопросе и закрепления в уголовном законе основания применения принудительных мер медицинского характера.

Нормы о применении принудительных мер медицинского характера содержатся также в Уголовно-процессуальном [12] (далее – УПК РФ) и Уголовно-исполнительном [13] кодексах Российской Федерации. УПК РФ регламентирует порядок производства о применении принудительных мер медицинского характера (глава 51). Вместе с тем между указанным нормативным актом и УК РФ существуют определенные противоречия, не разрешенные до настоящего времени. Так, например, в части 1 ст. 445 УПК РФ законодатель указывает, что продление принудительных мер медицинского характера осуществляется каждые 6 месяцев, в то время как часть 2 ст. 102 УК РФ содержит в себе положение о том, что первое продление принудительного лечения может быть произведено по истечении 6 месяцев с момента начала лечения, продление принудительного лечения в последующем производится ежегодно. Также указанные законодательные акты по-разному именуют документ, с которым обращается в суд медицинская организация при продлении, изменении, прекращении принудительных мер медицинского характера: в УПК РФ данный документ именуется ходатайством администрации медицинской организации (ч. 1 ст. 445), в УК РФ – представлением администрации медицинской организации (ч. 1 ст. 102).

Уголовно-исполнительный кодекс РФ (далее – УИК РФ) содержит в себе общие положения, касающиеся исполнения принудительных мер медицинского характера в отношении осужденных, без конкретизации правового механизма их исполнения.

Порядок исполнения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших запрещенное уголовным законом ООД в состоянии невменяемости, УИК РФ не регламентирует.

Специальным законодательным актом федерального уровня, регламентирующим вопросы обеспечения безопасности при применении одного из видов стационарного принудительного лечения (в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением), является Федеральный закон от 07.05.2009 № 92-ФЗ «Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением». Указанный закон регламентирует вопросы взаимодействия администрации психиатрического стационара и подразделения охраны ФСИН России. К примеру, решение вопросов о количестве и расстановке постов наружной и внутренней охраны психиатрического стационара находится в ведении территориального органа уголовно-исполнительной системы. Данные вопросы решаются по согласованию с администрацией лечебного учреждения. Также названным законом определены условия применения сотрудниками подразделения охраны ФСИН России физической силы, специальных средств (резиновые палки, наручники, служебные собаки), газового и огнестрельного оружия.

Вопросы обеспечения охраны иных видов медицинских учреждений, исполняющих принудительные меры медицинского характера, а также возможность, условия и пределы применения в них специальных средств законом в настоящее время не регламентированы.

В целом в законодательных актах, регулирующих уголовно-правовые и связанные с ними отношения, законодателем реализуется подход к понятию принудительных мер медицинского характера как особых мер государственного принуждения уголовно-правового характера.

К законодательным актам в сфере здравоохранения, регламентирующим применение принудительных мер медицинского характера, в первую очередь можно отнести Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» [14]. Указанный закон, по сути, уравнивает в правовом статусе лиц, находящихся на лечении в добровольном порядке, и лиц, проходящих принудительное лечение. Так, согласно ст. 13 и 37 Закона о психиатрической помощи лица, к которым применены принудительные меры медицинского характера, обладают тем же объемом прав, что и лица, госпитализированные в психиатрический стационар по иным основаниям, в том числе проходящие лечение в добро-

вольном порядке. Представляется, что заложенный законодателем подход определения единого объема прав лиц, проходящих лечение в добровольном порядке, и лиц, находящихся на принудительном лечении, является необоснованным. Использование единых методов терапии (лечения) не может и не должно служить основанием для отождествления правового статуса лиц, проходящих принудительное лечение в психиатрическом стационаре (как вид принудительных мер медицинского характера), с правовым статусом лиц, получающих психиатрическую помощь добровольно.

Законодательное положение о едином правовом статусе пациентов, получающих специализированную психиатрическую помощь в стационарных условиях (в добровольном и принудительном порядке), получило своё дальнейшее развитие на уровне подзаконного нормативного правового регулирования. Например, действующее в настоящее время Постановление Правительства РФ от 14.03.2024 № 298 «Об утверждении Правил принятия решения об ограничении прав пациента, находящегося в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, выбора формы и продолжительности устанавливаемых ограничений прав пациента, а также извещение пациента о принятии такого решения» [15] не проводит различий между пациентами, проходящими лечение добровольно, и лицами, которые находятся на принудительном лечении. Исходя из буквального толкования указанного постановления, при установлении, например, особых условий пользования телефоном (а в психиатрических стационарах специализированного типа и специализированного типа с интенсивным наблюдением такие особые условия (ограничения) пользования телефоном предусмотрены в качестве постоянного элемента лечебно-охранительного режима) лечащий врач должен каждые 15 дней оформлять на данный вид ограничения в отношении каждого пациента специальное решение, которое должно быть подписано заведующим отделением или главным врачом. Таким образом, специфика психиатрических стационаров, которые исполняют принудительные меры медицинского характера, данным постановлением Правительства РФ вообще не учтена. Это, безусловно, приводит к сложностям в обеспечении специального лечебно-охранительного режима психиатрических стационаров, исполняющих принудительное лечение.

На подзаконном уровне отдельные организационные вопросы применения принудительных мер медицинского характера регламентированы также приказом Минздрава России от 14.10.2022 № 668н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения» [16]. Приложениями

к названному приказу утверждены правила организации отделений для принудительного лечения со стандартами оснащения и рекомендованной штатной структурой. Вопросы содержания и обеспечения лечебно-охранительного режима психиатрических стационаров для принудительного лечения указанным нормативным правовым актом не регламентированы.

Заслуживает внимания тот факт, что на федеральном уровне с момента принятия Закона о психиатрической помощи и на протяжении уже более 25 лет остается невосполненным правовой пробел в части правовой регламентации порядка исполнения принудительных мер медицинского характера (порядок поступления на принудительное лечение, особенности лечебно-охранительного режима в зависимости от вида принудительного лечения и т.д.). В советский период вопросы исполнения принудительного лечения были регламентированы ведомственным нормативным правовым актом – Временной инструкцией о порядке применения принудительных и иных мер медицинского характера в отношении лиц с психическими расстройствами, совершивших ООД, утвержденной приказом Минздрава СССР от 21.03.1988 № 225 по согласованию с Верховным Судом СССР, Прокуратурой СССР, Министерством юстиции СССР и Министерством внутренних дел СССР. Названная инструкция содержала в себе критерии выбора мер медицинского характера, порядок содержания пациентов при проведении принудительного лечения, вопросы контроля и надзора за осуществлением принудительного лечения. Однако с принятием УК РФ многие положения Временной инструкции оказались «морально устаревшими» [17] и фактически не применимыми, так как содержали в себе терминологию УК РСФСР 1960 г., отражавшего идеологию и правовые реалии того времени, который предусматривал такие виды принудительных мер медицинского характера, как помещение в психиатрическую больницу с обычным, усиленным и строгим наблюдением. Ныне действующий УК РФ содержит в себе иной перечень видов принудительных мер медицинского характера. Однако утратившая ценность и актуальность данная инструкция не была официально отменена, в связи с чем фактически отдельные психиатрические учреждения ряд положений этой инструкции применяют до сих пор.

Дискуссионным в части правовой регламентации остается вопрос о применении методов трудовой терапии в процессе исполнения принудительных мер медицинского характера. В настоящее время организационные вопросы деятельности лечебно-производственных (трудовых) мастерских регламентированы приложениями 43-45 к Порядку оказания медицинской помощи при психических

расстройствах и расстройствах поведения, утвержденному приказом Минздрава России от 14.10.2022 № 668н, в которых закреплены правила организации таких мастерских, рекомендуемые штатные нормативы и стандарты оснащения. В то же время законодателем отчетливо не разрешен вопрос о правовой природе отношений по привлечению пациентов к труду и соответственно нет очевидного ответа на вопрос о том, какой отраслью права должны регулироваться данные отношения (в частности, должны ли оформляться трудовые отношения, осуществляться выплата вознаграждения за труд и т.д.). Внешняя схожесть отношений по применению методов трудовой терапии с трудовыми отношениями и в то же время наличие в них лечебных и реабилитационных целей требует четкой позиции законодателя относительно данного вопроса. По нашему мнению, отношения, возникающие в сфере применения методов трудовой терапии к лицам, страдающим психическими расстройствами и совершившим завершенное уголовным законом ООД, не могут быть отнесены к трудовым отношениям и в предмет отрасли трудового права не входят. Медико-реабилитационное вовлечение в трудовую деятельность лиц, страдающих психическими расстройствами, является элементом терапии, а не реализацией права на труд в контексте трудовых отношений.

В целом следует признать, что нормативные правовые акты в сфере здравоохранения, в отличие от правовых актов уголовно-правового характера, уравнивают в правовом статусе лиц, находящихся на принудительном лечении, с иными пациентами психиатрических больниц, и данный вид лечения не рассматривают как особую меру государственного принуждения. Представляется, что разный подход к правовому регулированию принудительных мер медицинского характера в различных отраслях законодательства обусловлен дискуссионностью вопроса о правовой природе указанных мер. В научной среде данный вопрос до настоящего времени остается неразрешенным. Так, в науке уголовного права преобладает подход, согласно которому принудительные меры медицинского характера являются уголовно-правовыми, а потому правовой режим применения принудительного лечения должен быть схож с правовым режимом исполнения иных форм реализации уголовной ответственности. В литературе встречаются указания, что при амбулаторном принудительном наблюдении и лечении у психиатра, назначаемом наряду с наказанием, принудительные меры медицинского характера по своей правовой природе как самостоятельный институт современного уголовного права являются иными мерами уголовно-правового характера [18, 19].

Ряд ученых относят принудительные меры медицинского характера к предусмотренным уголовным законом мерам безопасности (В.И. Горобцов, Г.В. Назаренко, А.П. Овчинникова, И.А. Семенцова, Н.В. Щедрин и др.), которые призваны обеспечить безопасность общества за счет принудительного лечения лиц, совершивших ООД (преступления) и страдающих психическими расстройствами [20]. При таком подходе в правовом статусе лиц, находящихся на принудительном лечении, содержательная составляющая их правового статуса как пациентов, получающих психиатрическую помощь, уходит на второй план, акцент делается именно на обеспечении безопасности (преобладании публичных интересов). Наконец, третья позиция заключается в том, что принудительные меры медицинского характера – это, прежде всего, институт административного права, а именно сферы здравоохранения, а сами меры представляют собой лечение лиц, страдающих психическими расстройствами, в связи с чем правовой статус лиц, находящихся на принудительном лечении, не должен отличаться от правового статуса иных пациентов психиатрических больниц.

В частности констатируется, что практика применения принудительных мер медицинского характера в отношении осужденных с расстройствами личности позволяет им уклоняться от лечения либо вообще от контактов с психиатрической службой, поскольку в части случаев в местах лишения свободы происходит компенсация личностной патологии [21]. Обосновано формирование отечественных подходов к реабилитации осужденных с психическими расстройствами, находящихся в местах лишения свободы или отбывающих наказание без изоляции от общества, на основе внедрения реабилитационной модели Risk-Need-Responsivity, используемой для снижения рецидива совершаемого преступления и получения клинических, социально-психологических реабилитационных эффектов [22].

Отметим, что на наш взгляд, принудительные меры медицинского характера представляют собой сложный медико-правовой институт, направленный как на обеспечение безопасности (устранение опасного состояния лица, страдающего психическим расстройством, и в связи с этим обеспечение безопасности других лиц и самого лица, которому назначено принудительное лечение), так и на улучшение психического состояния лица. В таком понимании при правовой регламентации указанного института должен быть соблюден баланс частных и публичных интересов: лица, в отношении которых применяются принудительные меры медицинского характера, по своему правовому статусу должны быть выделены в отдельную категорию лиц, проходящих психиатрическое лечение (их

статус не должен быть приравнен к статусу добровольных пациентов), однако устанавливаемые при этом правоограничения не должны носить карательного характера и должны быть обусловлены различной степенью опасности лиц, страдающих психическими расстройствами. Указанные особенности в части объема правоограничений целесообразно отразить через категорию лечебно-охранительного режима, который должен быть различен в зависимости от вида принудительных мер медицинского характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На сегодняшний день правовое регулирование принудительных мер медицинского характера осуществляется нормативными правовыми актами различных отраслей права (уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, административного и др.), которые закрепляют различные подходы к пониманию рассматриваемого института. Неоднозначность правовой регламентации связана с дискуссионностью вопроса о правовой природе принудительных мер медицинского характера.

До настоящего времени отсутствует достаточная правовая регламентация порядка исполнения принудительных мер медицинского характера. Согласно части 3 ст. 97 УК РФ, порядок исполнения принудительных мер медицинского характера определяется уголовно-исполнительным законодательством РФ и иными федеральными законами. В свою очередь Уголовно-исполнительный кодекс РФ содержит в себе лишь положения, касающиеся применения к осужденным мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания. Специальный федеральный закон, регулирующий применение принудительных мер медицинского характера в качестве самостоятельных мер, до настоящего времени не принят.

На подзаконном уровне всё ещё отсутствует ведомственная инструкция, регламентирующая порядок исполнения принудительных мер медицинского характера. Представляется целесообразным восполнить существующий правовой пробел путем разработки и утверждения ведомственной инструкции о порядке исполнения принудительных мер медицинского характера с приложением к ней типовых правил внутреннего распорядка медицинских организаций, исполняющих принудительные меры медицинского характера, по каждому виду принудительного лечения (с указанием особенностей лечебно-охранительного режима и закреплении разного объема возможных и допустимых правоограничений).

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии явных и потенциальных конфликтов интересов в связи с публикацией данной статьи.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 25-28-00386 по проекту «Принудительные меры медицинского характера как средство обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации» (<https://rscf.ru/project/25-28-00386/>).

СООТВЕТСТВИЕ ПРИНЦИПАМ ЭТИКИ

Выполненное исследование носит обзорный характер и представляет собой анализ нормативных правовых актов и обзор научных публикаций, при этом клиническое исследование/испытание, связанное с людьми в качестве объектов исследования, не проводилось, в связи с чем представленное исследование не требует одобрения локальным этическим комитетом.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Созонов А.В., Рощина О.В., Быкова М.А., Казенных Т.В., Бохан Н.А. Исследование влияния технологии виртуальной реальности на психоэмоциональное состояние здоровых добровольцев. Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2025. № 1 (126). С. 15-20. Sozonov AS, Roshchina OV, Bykova MA, Kazennykh TV, Bokhan NA. Study of the influence of virtual reality technology on the psycho-emotional state of healthy volunteers. Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry. 2025;1(126):15-20. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2025-1\(126\)-15-20](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2025-1(126)-15-20) (in Russian).
2. Bloom DE, Cafiero ET, Jane-Llopis E, Abrahams-Gessel S, Bloom LR, Fathima S, Feigl AB, Gaziano T, Mowafi M, Pandya A, Prettnner K, Rosenberg L, Seligman B, Stein AZ, Weinstein C. The global economic burden of noncommunicable diseases. Program on the Global Demography of Aging, 2012. PGDA Working Paper No. 87. <http://hsph.harvard.edu/pgda/working.htm>.
3. Мальцева М.М., Котов В.П. Опасные действия психически больных. М.: Медицина, 1995. 256 с. Maltseva MM, Kotov VP. Dangerous actions of mental patients. Moscow: Meditsina, 1995:256 (in Russian).
4. Горобцов В.И. Принудительные меры медицинского характера в отношении психически больных по Уголовному кодексу Российской Федерации. Красноярск: Красноярская высшая школа МВД России, 1997. 168 с. Gorobtsov VI. Compulsory medical measures in relation to mental patients under the Criminal Code of the Russian Federation. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Higher School of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997:168 (in Russian).
5. Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера: учебное пособие. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2008. 144 с. Nazarenko GV. Compulsory medical measures: a tutorial. Moscow: Flinta: Moscow Psychological and Social Institute, 2008:144 (in Russian).
6. Протченко Б.А. Принудительные меры медицинского характера / под ред. В.В. Шубина. М.: Юридическая литература, 1976. 104 с. Protchenko BA. Compulsory medical measures. VV. Shubin (ed.). Moscow: Juridical Literature, 1976:104 (in Russian).
7. Аменицкий Д.А. К вопросу о принудительном лечении и о социально опасных душевнобольных и психопатах. В кн.: Введенский И.Н., Аменицкий Л.А., Лисянская Е.А., Каплинский М.З., Прозоров Л.А., Сегалов Т.Е., Раппопорт А.М. Душевно-больные правонарушители и принудительное лечение / под ред. П.Б. Ганнушкина. М., 1929. С. 23-40. Amenitsky DA. On the issue of compulsory treatment and socially dangerous mental patients and psychopaths. In: Vvedensky IN, Amenitsky LA, Lisyanskaya EA, Kaplinsky MZ, Prozorov LA, Segalov TE, Rappoport AM. Mentally ill offenders and compulsory treatment / PB. Gannushkin (ed.). Moscow, 1929:23-40 (in Russian).
8. Краснушкин Е.К. Криминальные душевнобольные психопаты и их признание. II Всероссийское совещание по вопросам психиатрии и неврологии (Москва, 12-17 ноября 1923 г.). М., 1924. С. 40-42. Krasnushkin EK. Criminally mentally ill psychopaths and their care. II All-Russian Conference on Psychiatry and Neurology (Moscow, November 12-17, 1923). Moscow, 1924:40-42 (in Russian).
9. Мальцева М.М. Психопатологические механизмы общественно опасных действий больных с психическими расстройствами. Руководство по судебной психиатрии: Практическое пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ЮРАЙТ, 2021. С. 213-226. Maltseva MM. Psychopathological mechanisms of socially dangerous actions of patients with mental disorders. Handbook of Forensic Psychiatry: Practical guide. 4th edition, revised and updated. Moscow: YURAYT, 2021:213-226 (in Russian).
10. Котов В.П., Мальцева М.М. О соответствии вида принудительного лечения характеру общественно опасного деяния. Психическое здоровье. 2012. Т. 10, № 11 (78). С. 19-22. Kotov VP, Maltseva MM. On the compliance of the type of compulsory treatment with the nature of a socially dangerous act. Mental Health. 2012;10(11,78):19-22 (in Russian).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс: справочная правовая система. Версия Проф. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ [Electronic resource]. ConsultantPlus: legal reference system. Version Prof. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (in Russian).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс: справочная правовая система. Версия Проф. Criminal Procedure Code of the Russian Federation:

- Federal Law of 18.12.2001 No. 174-FZ [Electronic resource]. Consultant-Plus: legal reference system. Version Prof. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (in Russian).
13. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 08.01.1997. № 1-ФЗ [Электронный ресурс]. Консультант-Плюс: справочная правовая система. Версия Проф. Criminal Executive Code of the Russian Federation: Federal Law of 08.01.1997. No. 1-FZ [Electronic resource]. Consultant-Plus: legal reference system. Version Prof. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 (in Russian).
 14. Закон от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [Электронный ресурс]. Консультант-Плюс – надежная правовая поддержка. Law of July 2, 1992 No. 3185-1 “On psychiatric care and guarantees of citizens' rights when providing it” [Electronic resource]. ConsultantPlus – reliable legal support. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205 (in Russian).
 15. Постановление Правительства РФ от 14.03.2024 № 298 «Об утверждении Правил принятия решения об ограничении прав пациента, находящегося в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, выбора формы и продолжительности устанавливаемых ограничений прав пациента, а также извещение пациента о принятии такого решения» [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации. Resolution of the Government of the Russian Federation of 14.03.2024 No. 298 “On approval of the Rules for making a decision to limit the rights of a patient located in a medical organization providing psychiatric care in inpatient settings, choosing the form and duration of the established restrictions on the patient's rights, as well as notifying the patient about making the decision” [Electronic resource]. Official Internet portal of legal information <https://publication.pravo.gov.ru> (in Russian).
 16. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 14.10.2022 № 668н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения» [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 14.10.2022 No. 668n “On approval of the Procedure for the provision of medical care for mental disorders and behavioral disorders” [Electronic resource]. Official Internet portal of legal information. <https://publication.pravo.gov.ru> (in Russian).
 17. Федорова Е.А. Принудительные меры медицинского характера по российскому уголовному законодательству: учебное пособие. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2008. 84 с. Fedorova EA. Compulsory medical measures under Russian criminal law: textbook. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008:84 (in Russian).
 18. Полубинская С.В., Макушкина О.А. Принудительные меры медицинского характера, назначенные наряду с наказанием: правовая регламентация и организация исполнения. Российский психиатрический журнал. 2013. № 6. С. 18-23. Polubinskaya SV, Makushkina OA. Compulsory medical measures assigned along with punishment: legal regulation and organization of execution. Russian Journal of Psychiatry. 2013;6:18-23 (in Russian).
 19. Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского воздействия: раздел «меры общественной безопасности». Lex Russica. 2017. № 8. С. 101-111. Nazarenko GV. Coercive measures of medical intervention: “Public Security Measures” Section. Lex Russica. 2017;8:101-111. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.129.8.101-111> (in Russian).
 20. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Э.А. Жалинского. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 1086 с. Educational and practical commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / EA. Zhalsinsky (ed.). Moscow: Eksmo, 2006:1086 (in Russian).
 21. Диденко А.В. Проблемы реализации принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением уголовного наказания, в отношении осужденных с личностной патологией. Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 58. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 76-77. Didenko AV. Problems of implementation of compulsory medical measures, combined with execution of criminal punishment, in relation to convicts with personality pathology. Legal problems of strengthening Russian statehood: book of articles. Part 58. Tomsk: Tomsk University Press, 2013:76-77 (in Russian).
 22. Диденко А.В. Характеристика реабилитационной модели Risk-Need-Responsivity и её применение в зарубежных исправительных учреждениях при работе с осужденными, страдающими психическими расстройствами. Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 1 (176). С. 17-22. Didenko AV. Characteristics of the rehabilitation model Risk-Need-Responsivity and its application in foreign correctional institutions when working with convicts suffering from mental disorders. Bulletin of the Criminal-Executive System. 2017;1(176):17-22 (in Russian).

Поступила в редакцию 12.05.2025
Утверждена к печати 15.09.2025

Васеловская Александра Викторовна, к.ю.н., старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований, Юридический институт, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет». SPIN-код РИНЦ 9302-3012. ResearcherID HNP-8748-2023. ORCID iD 0009-0007-8158-6574.

Ольховик Николай Владимирович, к.ю.н., доцент, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований, Юридический институт, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет». SPIN-код РИНЦ 9508-5453. ResearcherID M-1491-2016. ORCID iD 0000-0002-7150-7234. lawtsu@rambler.ru

Шеслер Александр Викторович, д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права, Юридический институт, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет». SPIN-код РИНЦ 4155-2416. ORCID iD 0000-0002-9958-5779. sofish@inbox.ru

Васеловская Александра Викторовна, vaselovskaya.a@mail.ru

UDC 615.866:616.035:4:340.132.626:340.132.8

For citation: Vaselovskaya A.V., Olkhovik N.V., Shesler A.V. Legal regulation of the use of compulsory medical measures at the present stage (systematic review). *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*. 2025; 3 (128): 95-104. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2025-3\(128\)-95-104](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2025-3(128)-95-104)

Legal regulation of the use of compulsory medical measures at the present stage (systematic review)

Vaselovskaya A.V., Olkhovik N.V., Shesler A.V.

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Tomsk State University"
Lenin Avenue 36, 634050, Tomsk, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction. Mental disorders and behavioral disorders cause serious negative social consequences associated with the real and (or) potential danger of persons suffering from mental disorders to themselves or others. In connection with the increase in the number of psychotraumatic factors in the modern world and, as a consequence, the increase in the number of people committing crimes or other socially dangerous acts in one or another morbid mental state, the issue of legal regulation of the use of compulsory medical measures is relevant. **Objective:** to identify conflicts and legal gaps in the legal regulation of the use of compulsory medical measures. **Material and Methods.** The analysis and systematization of regulatory legal acts of the Russian legislation regulating the use of compulsory medical measures were carried out. To search for and analyze regulatory legal acts, official publication sources were used, such as the Official Internet Portal of Legal Information (<http://pravo.gov.ru>), the Collection of Legislation of the Russian Federation, as well as legal reference systems (SPS ConsultantPlus, Garant, etc.). As part of the analysis of scientific literature on the topic under study, scientometric databases were searched (Scopus, Web of Science, Google Scholar, eLibrary). **Results.** Based on the analysis of legal regulation of the use (administration and execution) of compulsory medical measures, three levels of legal regulation in this area were distinguished: federal legislative, federal by-laws, local (the level of individual medical organizations). Legal regulation at the federal level is considered through the system of regulatory acts of the criminal law branch and a block of legislative acts in the field of healthcare. **Conclusion.** Legal regulation of compulsory medical measures is carried out by the norms of different branches of law, which is due to the multifaceted and ambiguous legal nature of these measures. There is no sufficient legal regulation of the procedure for the execution of compulsory medical measures. The authors make proposals to improve the legislation in this area and substantiate the need to adopt a departmental instruction on the procedure for use of compulsory medical measures with the addition to it of standard internal regulations of medical organizations implementing compulsory medical measures for each type of compulsory treatment.

Keywords: compulsory medical measures, mental disorders and behavioral disorders, public danger of a person suffering from a mental disorder, security measures.

Received May 12, 2025

Accepted September 15, 2025

Vaselovskaya Alexandra V., Cand. Sc. (Law Sciences), senior researcher, Laboratory of Social and Legal Research, Law Institute, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Tomsk State University", Tomsk, Russian Federation. SPIN-code RSCI 9302-3012. ResearcherID HNP-8748-2023. ORCID iD 0009-0007-8158-6574.

Olkhovik Nikolay V., Cand. Sc. (Law Sciences), Associate Professor, senior researcher, Laboratory of Social and Legal Research, Law Institute, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Tomsk State University", Tomsk, Russian Federation. SPIN-code RSCI 9508-5453. ResearcherID M-1491-2016. ORCID iD 0000-0002-7150-7234. lawtsu@rambler.ru

Shesler Alexander V., D. Sc. (Law Sciences), Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Law Institute, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Tomsk State University", Tomsk, Russian Federation. SPIN-code RSCI 4155-2416. ORCID iD 0000-0002-9958-5779. sofish@inbox.ru

Vaselovskaya Alexandra V., vaselovskaya.a@mail.ru